
Э. С. КУЛЬПИН

ДИСКУССИЯ О ПРИЧИНАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

О причинах Русской революции / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, С. Ю. Малков. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 432 с.

Книга «О причинах Русской революции» содержит огромный пласт фактологических и статистических сведений о социальной жизни русского общества, необходимых социологам, исследующим как прошлое России, так и ее современное состояние. Композиционно книга состоит из трех частей: 1) изложение основополагающих позиций инициаторов дискуссии – редакторов издания; 2) дискуссия о социальных истоках революции, в центре которой полемика между С. А. Нефедовым и Б. Н. Мироновым; 3) подведение итогов дискуссии редакторами издания. Данные и их интерпретация составляют основное содержание книги. В ней многие положения, детали окажутся полезными, нужными читателям, но в рецензии хотелось бы остановиться на существенных моментах состояния осмысления социальных процессов столетней давности, но не осмысленных полностью до сих пор.

Дискуссия о причинах русской революции началась как спор двух ведущих специалистов по социальной истории о релевантности разных подходов для оценки уровня жизни и долгосрочной динамики потребления в XIX – начале XX в. в России. Исток спора – обсуждение проблемы объективности неомальтузианских теорий и схем (основанных на моделях расчета роста демографического давления и динамики среднедушевого потребления исходя из экологической емкости среды) и клиометрических методов, связанных с использованием данных о биостатусе российского населения (прежде всего данных о росте рекрутов и др.).

По утверждению С. А. Нефедова, большинство историков полагает, что революция была вызвана низким уровнем потребления

широких народных масс. В настоящее время эта традиционная концепция находит подтверждение в неомальтузианской теории демографических циклов, в которой снижение потребления объясняется ростом населения при растущей имущественной дифференциации и колебаниях урожайности, в результате чего социально-экономическая система становится неустойчивой.

Б. Н. Миронов отрицает тенденцию систематического понижения уровня жизни крестьян в XIX – начале XX в., утверждает, что как до, так и после отмены крепостного права происходил рост сельскохозяйственного производства и доходов крестьянства, а также снижение налогового бремени, благодаря чему наблюдалось повышение уровня жизни. Причем эта позитивная тенденция особенно заметной была после Великих реформ. По мнению Б. Н. Миронова, тезис о мальтузианском кризисе в России XIX – начала XX в. не находит подтверждения.

И тот и другой исследователи исходят из разных критериев качества и уровня жизни: потребления зерна, прироста населения, уровня смертности, роста грамотности, антропометрических показателей (роста и веса), но главное не в этом. Не только основные спорщики, но практически все участники дискуссии констатируют дефекты статистики, и спор ведется о том, насколько можно ей доверять и как можно ее проверять, верифицировать, как найти бесспорные данные и насколько бесспорные косвенные данные могут прояснить общую картину и позволить строить математические модели.

Н. С. Розов после обстоятельного рассмотрения аргументов сторон делает общий вывод о том, что позиция С. А. Нефедова представляется теоретически более обоснованной (с. 155). С этим согласны также Л. Г. Бадалян и В. Ф. Криворотов. П. В. Турчин пишет: «Аргументация Б. Н. Миронова сводится в основном к критике мальтузианского объяснения истории, но он не предлагает четко сформулированную альтернативную теорию» (с. 174). Но тот же Н. С. Розов задает вопрос: «Есть ли своя правда в аргументации Б. Н. Миронова и его союзников?» И отвечает: «Пожалуй, есть... Концептуальный подход имеет сильные ограничения. Сделанные в его рамках качественные и структурные суждения имеют гипотетический характер и требуют эмпирической проверки». Но и такая

проверка не спасет положения, поскольку, чтобы «выделить сложную взаимосвязь факторов и динамик... необходимы не только и не столько новые источники и данные (неизбывный фетиш традиционной истории), сколько специальная концептуальная и теоретическая работа» (с. 155–156).

С. В. Цирель в контексте спора Нефедова и Миронова представляет математическую модель влияния технического прогресса на уровень жизни населения, наглядно показывающую, что ситуация балансирования на грани мальтузианского кризиса была характерна в XIX в. не только для России, но и для многих стран Европы, и переводит стрелки дискуссии на другие факторы, полагая, что избежать революций Россия могла при пяти несбывшихся обстоятельствах: неучастия в войнах, снижения рождаемости, преодоления расхождения между европеизированной частью населения и традиционными слоями, православной Реформации и разрешения межнациональных противоречий.

П. В. Турчин обращает внимание на совершенно не учитываемый фактор – перепроизводство элиты.

Иначе видит прошлое М. А. Давыдов, который, рассмотрев аргументы сторон и приведя свои, полагает, что революция 1917 г. – трагическая случайность, что «состоявшийся обмен мнениями ясно показывает правоту Б. В. Раушенбаха, в своих последних книгах немало написавшего о двух типах мышления, логическом и внелогическом, и о том, как трудно представителям “точного знания” понимать то, что логически не описывается или описывается не всегда... История далеко не всегда объясняется рационально, и далеко не все ее слагаемые можно измерить» (с. 276).

Заключение книги фактически является дополнением дискуссии анализом связи процессов модернизации и революции в других странах и в другое время – во второй половине XX в. А итогом дискуссии является констатация того, «что фактически имеется больше проблем, чем решений, поэтому необходима дальнейшая исследовательская работа» (с. 369), что спор не сконцентрировался «вокруг проблемы релевантности известных только специалистам статистических данных» (хотя это, несомненно, имело место), а перерос в обсуждение важнейших проблем социальной истории России. В краткой аннотации книги говорится, что с момента заверше-

ния Первой русской революции прошло более ста лет, это позволяет «достаточно объективно оценить историческое значение революций и их результаты, с достаточной глубиной судить об их причинах» (с. 6). Однако жесткий до полной непримиримости спор между двумя исследователями социальной истории России С. А. Нефедовым и Б. Н. Мироновым, являющийся основанием дискуссии, не привел к согласию между ними и к возможности объективной оценки социальных причин и следствий революций. Инициаторы обсуждения – редакторы издания – с целью получения объемного видения проблем подключили к ней нетрадиционных исследователей социальной истории России – ученых, создавших себе имя в разных областях естественных и гуманитарных наук, а затем перешедших на изучение социальной истории: философ Л. Е. Гринина, Н. С. Розова, историка М. А. Давыдова, физика С. В. Циреля, а также историка Л. И. Бородкина, биолога П. В. Турчина, физиков Л. Г. Бадаляна и В. Ф. Криворотова.

Что видит читатель в данном обсуждении? В «сухом остатке» следующее. Что релевантность, если понимать под ней смысловое соответствие между информационным запросом и полученным сообщением, не состоялась. Что теория (и в частности, с математическими методами) плохо подтверждается практикой, а практика не в состоянии создать «работоспособную» теорию.

На этой печальной ноте можно было бы закончить рецензию, если бы не одна статья в книге, где делается попытка совместить логическое и внелогическое и тем самым более комплексно понять ситуацию и движущие силы. Эта попытка предпринята Л. Е. Грининым. Его основные доводы таковы. «Если бы спор шел только о том, был ли более или менее удовлетворительным уровень потребления российских крестьян до революции и повышался он или нет, проблема оставалась бы достаточно узкоспециальной. Но проблема выглядит гораздо острее. Дело в том, что вопрос, которым С. А. Нефедов начинает свою статью: “Была ли русская революция начала XX в. случайностью или кризис был обусловлен долговременными экономическими процессами?”, – это фактически центральный вопрос дискуссии. Он также вполне логично спрашивает, почему все же произошла революция, если, по мнению Б. Н. Миронова, уровень аграрного производства “в целом удовлетворял су-

ществовавшие в то время потребности в продовольствии» (с. 201). «Позицию С. А. Нефедова, что русская революция была совсем не случайной, а имела глубокие причины под собой, – пишет Гринин, – я разделяю полностью. Но я не согласен с причинами, которые он считает главными. С. А. Нефедов дает на свой вопрос, по сути, вполне логичный, но почти фаталистический ответ: “Фактически демографический взрыв был приговором старой России: при существовавшем распределении ресурсов страна не могла прокормить нарождающиеся новые поколения”. Таким образом, по его мнению, революция была неизбежна потому, что Россия находилась в состоянии сжимающейся мальтузианской “ловушки”, выйти из которой она не могла, что неизбежно рано или поздно должно было привести к катастрофе. Такой фатализм, вступающий в противоречие с мощной динамикой роста производства в стране, на мой взгляд, не может приниматься как безусловный» (Там же). Рассмотрев социально-экономические аргументы Нефедова и Миронова, политические – других участников дискуссии, Гринин единственный из всех обращается к социально-психологическим и в качестве источников основательно использует художественную литературу.

«Возьмите произведения Л. Н. Толстого, – пишет он, – или более позднюю *Деревню* И. А. Бунина, или *Мужиков* А. П. Чехова, или рассказы В. Г. Короленко, или даже произведения просоциалистического М. Горького (хотя бы его трилогию, особенно *Мои университеты*), – нигде проблема недоедания и тем более голода не является ведущей (если вообще присутствует). Главные темы: разрушение моральных, особенно семейных, норм из-за стремления к богатству, мироедство, расслоение, пьянство, дикость нравов, бездуховность; отдельная важнейшая тема – малоземелье (“куренка некуда выпустить”). “Деревня – насквозь беда”, – говорит один из героев Горького, но не потому, что там голод, а потому, что там пьют, дерутся, нет смысла жизни, темнота, невежество и прочее» (с. 205). Далее Гринин продолжает: «Является главной тема недоедания, например, в знаменитой пьесе “На дне”? Нет. О чем рассуждают опустившиеся люди – разве о хлебе? Нет, о смысле жизни: “Человек – это звучит гордо!” В русской литературе во многих произведениях описываются богомольцы, которым везде подают (пройдите в голодной стране тысячи верст до Киева, собираясь!).

А вот малоземелье, повторю, действительно одна из главных тем литературы» (с. 205). Как же возникла революционная ситуация? Гринин обращает внимание, что «...часто революции происходят именно в период некоторого повышения уровня жизни населения, после которого неожиданное временное ухудшение на фоне устойчивого недовольства властью (причем и со стороны высших слоев тоже) вызывает всеобщее возмущение и социальный взрыв. ...Именно неспособность властей решить эти проблемы в условиях, когда все решения завязаны именно на власти, могут вызвать к ней постоянное негативное отношение, а в определенный момент вызвать взрыв. Иногда просто возникает ситуация, когда руководство <...> само уже неспособно к защите своей власти. Так произошло и в феврале 1917 г. Таков был и конец СССР. При этом мы считали, что в период М. С. Горбачева жизнь стала совершенно невыносимой, а власть надо немедленно сменить. Но оказалось, что жизнь может быть существенно хуже вроде бы “невыносимой” жизни» (с. 209).

Далее Гринин утверждает: «Если рассматривать вопрос в аспекте социальной психологии, то главный источник недовольства в дореволюционной России (так сказать, на уровне самых общих причин первого порядка) проистекал из того, что жизнь сильно изменилась и постоянно менялась (где-то в лучшую, а где-то – в худшую сторону). В результате произошла и социально-психологическая переоценка социального порядка. То, что раньше казалось естественным и неизбежным, теперь стало казаться невыносимым <...> социальная психология не успевала приспособиться к изменениям, понять действительные (а не кажущиеся) причины трудностей, правильно оценить изменения» (с. 212). Гринин полагает, что Россия попала не в мальтузианскую, а в специфическую мальтузианско-марксову ловушку, из которой могла выйти, перестроив государственную систему, систему образования, общину, помещичье землевладение, внедрив частную собственность. «Сделать все это Россия теоретически могла, но для этого требовались иная элита, иная власть или хотя бы иные люди на вершине власти» (с. 220).